

Тюрьма
(развалины
крепости
тварей)

Пронать

Грязная улица

Холерный

канал

Малая Стрипная улица

Малая Стрипная улица

Кладбище
Трубачество

Остатки

улицы

Половина

Старая
Опарышева
ферма

Паразитов

улицы

улицы

улицы

улицы

улицы

улицы

улицы

улицы

улицы

улицы

улицы

улицы

улицы

улицы

улицы

улицы

улицы

Тифозная канава

ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ

- 1. Дом-над-Канавой
- 2. Здание министерства странных людей
- 3. Дом Бентама
- 4. Кровавая арена Дерекы
- 5. «Мандей, Дайсон и Страйп, судейные поверенные»
- 6. «Сморщенная голова»
- 7. Дом кустопрана
- 8. Мастерская лудильщика
- 9. Театр мисс Скворец
- 10. Бывшая тюрьма для беспризорных имени святого Ригледма (ныне Музей игрушек)
- 11. Котобойня мистера Скирра
- 12. Рынок странных работ (расформирован)
- 13. Лачуга сборщика пивнок

Площадь
Старой
Доорнаги

Двор Кровавого
Сердца

ДЬЯВОЛЬСКИЙ АКР

Столица холеры, рассадник преступности

*Премия «Пять наривов» от журнала
«Восторженное трущобы»*

- 1886 -

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ НАСЕЛЕНИЕ: 7206
ОФИЦИАЛЬНО ЗАРЕГИСТРИРОВАННОЕ НАСЕЛЕНИЕ: 0

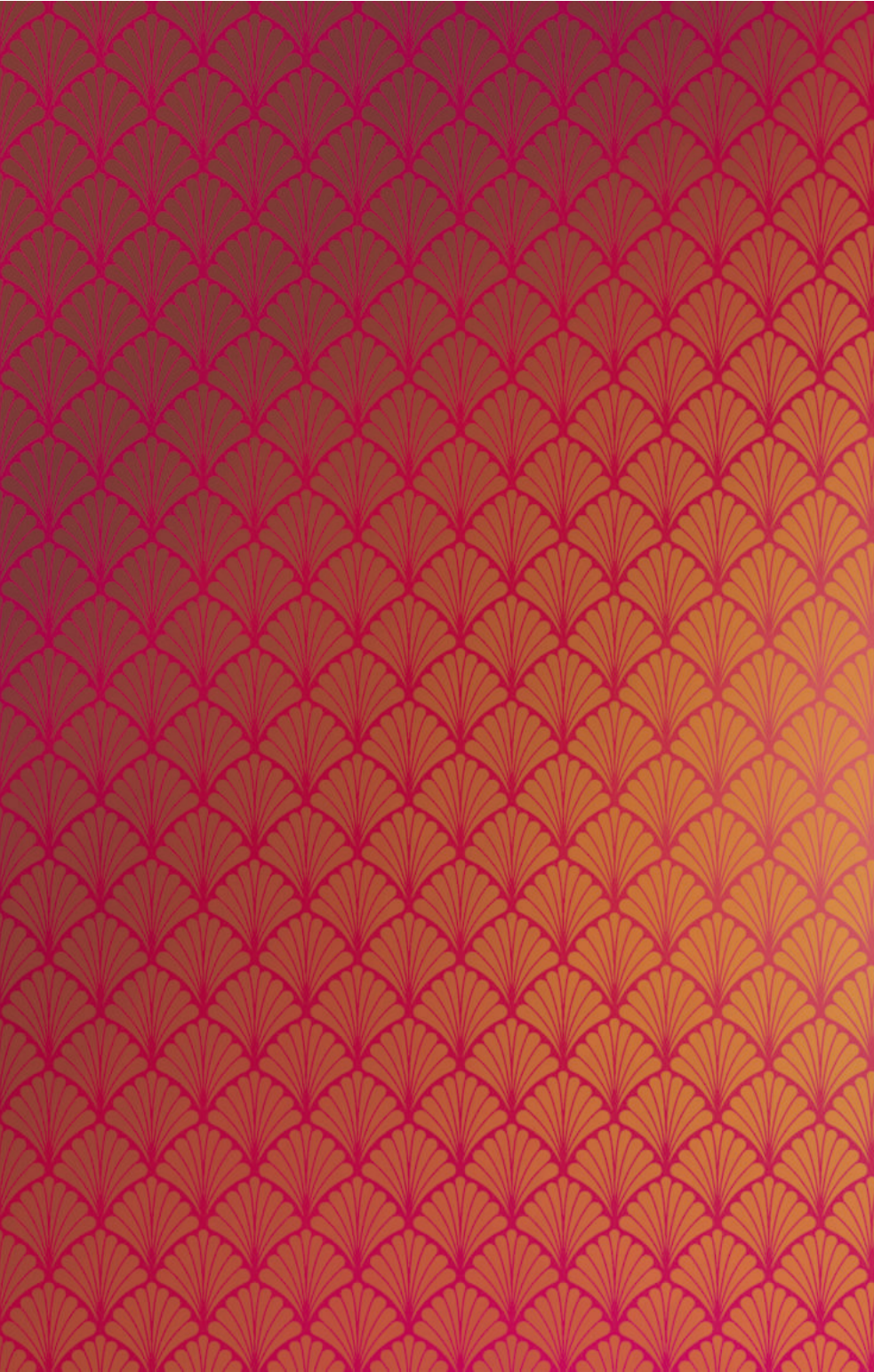
Тифозная канава

Плюсневый холм

Заразная площадь

Порочный переулочек

Район,
не нанесенный
на карты

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Долгое время нет ничего. Только темнота, рокот дальнего грома и неясное чувство, что я куда-то падаю. И больше ничего — ни личности, ни имени. Памяти тоже нет. Смутно понимаю, что прежде все это было, но потом исчезло, и теперь я — почти ничто. Одиноким фотон угасающего света, кружащий в голодной пустоте.

И это тоже скоро кончится.

Боюсь, я потерял душу, но не могу вспомнить как. Все, что я помню, — это раскаты медленно ворочающегося грома, а в них, растянутые до неузнаваемости, слоги моего бывшего имени, которого я больше не знаю. Только они и темнота, вот и все. Вечность спустя к грому добавляется еще один звук: это ветер. А затем и дождь. Теперь у меня есть ветер, гром и дождь, и я по-прежнему падаю.

Постепенно кое-что возникает — по чуть-чуть, по одному ощущению за раз. Я выбираюсь из ямы, ускользаю от пустоты. Мой одинокий фотон обрастает другими светящимися точками.

Я чувствую щекой что-то шершавое. Слышу скрип веревок. Что-то хлопает на ветру. Наверное, я на корабле. В темном, запертом наглухо трюме какого-то судна, угловатого в бурю.

Глаз приоткрывается на миг. Надо мной качаются смутные силуэты. Маятники, вывешенные в ряд. Кто-то перетянул пружину, и часы взбесились. Скрежещут шестерни, еще немного — и все пойдет вразнос.

Я моргаю, и маятники превращаются в тела, висящие в петлях. Висельники корчатся, сучат ногами.

Я понимаю, что могу повернуть голову. Размытые образы потихоньку становятся четче.

Под щекой — что-то жесткое и зеленое. Маятники-тела преобразились снова: теперь это ряд растений в скрипучих плетеных кадках, подвешенных на балке, ходят ходуном на ветру. За ними — сетка от комаров, хлопающая откидным клапаном.

Я лежу на веранде. Точнее, на зеленой синтетической траве, которой она покрыта.

Эту веранду я знаю.

Я знаю эту фальшивую траву.

Я перевожу взгляд. Газон, истязаемый ливнем, упирается в темную стену пальм, склонившихся чуть ли не до земли под напором ветра.

Я знаю этот газон.

Знаю эти пальмы.

Сколько я уже здесь лежу? Сколько лет?

...время опять сходит с ума.

Я пытаюсь пошевелиться, но пока удается только повернуть голову. Я замечаю карточный стол и пару складных стульев. Внезапно ловлю себя на мысли: если я сейчас уговорю себя подняться, то обнаружу на столе пару очков для чтения. Неоконченную партию в «Монополию». Кружку с дымящимся, еще горячим кофе.

Только что здесь был кто-то еще. И он что-то сказал — слова еще не отзвучали. Висят в воздухе, возвращаются ко мне отголосками.

— А какая птица их охраняла?

Голос мальчика. Мой собственный голос.

— Большая хищная птица, которая курила трубку.

А этот — скрипучий, с акцентом.

Голос старика.

— Ты, наверное, думаешь, что я совсем глупый, — произносит мальчик.

— Я просто не могу так о тебе думать.

И снова мальчик:

— Но почему чудовища на вас охотились?

Я слышу скрежет — старик отодвигает стул и встает. Сейчас он пойдет, чтобы принести кое-что и показать мне. Так он говорит. Какие-то фотографии.

...когда же это было

...минуту назад

...час

Надо вставать, а то он забеспокоится. Решит, что я его разыгрываю, а он такого не любит. Однажды я шутки ради спрятался от него в лесу, и он до того разошелся, что покраснел как помидор и орал на меня нехорошими словами. Правда, потом он объяснил, что просто испугался за меня, но что его так напугало, не сказал.

Дождь так и хлещет. Эта буря — как зверь, живой и свирепый, он уже разодрал сетку на веранде. Сетка пощелкает и хлопает на ветру, точно флаг.

...со мной что-то не так

Приподнимаюсь на локте, но это все, на что меня хватает. Замечаю на полу какую-то странную черную отметину. Выжженная черта — и она тянется вокруг меня, замыкается в контур вокруг моего тела.

Я снова совершаю над собой усилие — пытаюсь сесть. Перед глазами плывут черные пятна.

И вдруг — оглушительный грохот. Все становится белым, и я на мгновение слепну.

...так ярко, так близко, так громко...

Похоже на взрыв, но это не взрыв — это молния. Бьет совсем рядом, так близко, что между вспышкой и раскатом грома не проходит и секунды.

И вот я уже сижу, а сердце в груди колотится, как сумасшедшее. Я подношу дрожащую руку к глазам.

Какая-то она странная, эта рука. Слишком большая. Пальцы чересчур длинные. И между костяшек растут черные волоски.

...где этот мальчик? ведь он — это я? или нет? Не люблю, когда меня разыгрывают...

Кожа вокруг запястья — красная, как будто натертая...

...наручники, пристегнутые к перилам крыльца, а вокруг бушует буря...

Теперь, когда я смог сесть, стало видно крышку стола. И на столе ничего нет.

Ни чашки с кофе, ни очков.

...он не вернется.

Но все-таки он возвращается, хоть это и невозможно. Вон он, на опушке леса. Мой дед. Шагает в высокой траве, сражаясь с ветром, бьющим прямо в лицо. Его желтый дождевик мелькает ярким пятном на фоне пальм. Капюшон натянут чуть не до самого носа — защищает глаза от жалящих струй дождя.

...что он там делает? почему не вернется в дом?..

Он останавливается. Смотрит под ноги. Разглядывает что-то, чего я не вижу: трава слишком высокая.

Я поднимаю руку. Окликаю его по имени.

Он выпрямляется, и только теперь я понимаю: с ним что-то не так. Он слишком худой. И походка слишком ровная для старика, страдающего артритом.

...потому что это не он.

Он бежит — ко мне, в сторону дома. К входу на веранду, где рваная сетка полощется и хлопает ветру.

...нет, не ветер ее порвал.

...какое же чудовище это сделало?

...жуткое, сгорбленное... гниющая кожа, черные глаза, извивающиеся языки...

Он открывает раздвижные двери и встает на пороге. И я понимаю, что успел вскочить на ноги, сам того не заметив.

— Ты кто такой? — спрашивает он негромко, но с напряжением в голосе.

И откидывает капюшон.

Передо мной мужчина средних лет. Подбородок острый — и особенно бросается в глаза из-за рыжей, аккуратно подстриженной бороды. Глаза не разглядеть за темными очками.

Стоять на ногах и видеть перед собой другого человека — это так странно, что я лишь краем сознания отмечаю другую странность: зачем ему солнечные очки в такую грозу?

Но я уже отвечаю ему, машинально:

— Якоб.

И только услышав себя, осознаю, что имя прозвучало неправильно.

— Я риелтор, — произносит он, и я сразу понимаю: врет. — Пришел закрыть окна от бури.

— Поздновато, — замечаю я.

Он переступает порог — медленно, словно пытаюсь не вспугнуть настороженного зверька. Створки раздвижных дверей с шипением сходятся у него за спиной. Он окидывает взглядом контур, выжженный на полу, и снова переводит на меня глаза, скрытые за очками.

— Значит, это ты, — говорит он, и я невольно цепляюсь за край карточного стола, а человек подходит все ближе, стуча тяжелыми черными ботинками. — Джейкоб Портман.

Мое имя. Правильное, настоящее имя. Что-то выныривает с бульканьем из канавы, из темноты...

...жуткая пасть, раскрывшаяся среди клубящихся туч, громовым голосом произносит мое имя...

...девушка с черными как смоль волосами... такая красивая... рядом со мной, и я слышу ее крик...

— Думаю, ты знал одного моего приятеля, — говорит человек в темных очках. Улыбка его сочится ядом. — Он часто менял имена, но ты его знал как доктора Голана.

...жуткая пасть в облаках...

...женщина, корчащаяся в траве...

Образы врываются в мой разум — резко, без предупреждения. С трудом волооча ноги, отступаю, пока не чувствую, что уперся лопатками в стеклянную дверь. Человек в темных очках продолжает надвигаться и что-то достает из кармана. Какую-то черную коробочку с металлическими зубцами.

— Повернись спиной, — приказывает он.

Внезапно я понимаю, что все очень серьезно и надо защищаться. Я притворяюсь послушным и поднимаю руки, как будто показывая, что сдаюсь. Но как только он подходит достаточно близко, я с силой обрушиваю кулаки на его лицо.

Человек кричит. Темные очки отлетают в сторону, и я вижу его глаза — совершенно белые, как пара сваренных вкрутую яиц. Глаза убийцы. Я слышу громкий треск, и между зубцами черной коробочки, которую он держит в руке, проскакивает голубая искра.

Он бросается на меня.

Разряд тазера жалит меня сквозь рубашку и отбрасывает назад. Я влетаю спиной в стеклянную дверь. Почему-то она не разбивается.

Белоглазый уже сидит на мне верхом. Тазер посвистывает, перезаряжаясь для нового удара. Я пытаюсь сбросить с себя этого ужасного человека, но я сам еще не перезарядился до конца. Я все еще слишком слаб. Плечо и голова разрываются от боли.

Внезапно он дергается всем телом, испускает вопль и обмякает, а я чувствую, как по моей шее течет что-то теплое.

Это кровь. (Что, моя?)

Белоглазый хватается за что-то и начинает заваливаться набок. У этой штуки бронзовая рукоять, и она сантиметров на пятнадцать торчит из его шеи.

Позади него возникает странное темное пятно, живая тень. Она выбрасывает руку, хватая тяжелую дедушкину пепельницу и бьет белоглазого по голове. Тот испускает стон и падает. Из тени выступает девушка.

У девушки (я знал ее в Прошлом!) длинные черные волосы, спутанные и мокрые от дождя. Длинный черный плащ, весь в грязи. И бездонные черные глаза, расширенные от ужаса. Она всматривается мне в лицо, и в ее глазах вспыхивает узнавание.

Еще не все фрагменты мозаики встали на место, мысли по-прежнему мечутся между явью и бредом, но я понимаю, что происходит чудо. Чудо, что мы живы. Чудо, что мы здесь, а не в том, другом месте.

Боже мой.

Там было так ужасно, что у меня нет слов.

Девушка совсем рядом. Она стоит рядом со мной на коленях. Наклоняется, обнимает. Я хватаюсь за нее как за спасательный круг. Какая она холодная! Чувствую, как она дрожит. Мы цепляемся друг за дружку, а она все твердит мое имя. Снова и снова. И каждый раз, как она повторяет: «Джейкоб!» — я чувствую, что Настоящее становится еще немного плотнее, еще чуточку реальнее.

— Джейкоб, Джейкоб! Ты меня помнишь?

Человек на полу снова стонет. Ему вторит алюминиевый каркас веранды. И свирепый ветер, который мы как будто принесли с собой из того, другого места, тоже стонет, как раненый зверь.

И я начинаю вспоминать.

— Нур, — говорю я. — Нур. Ты — Нур.

В тот же миг я вспоминаю все. Мы выжили. Выбрались из петли Ви, прежде чем та успела схлопнуться. И теперь

мы во Флориде, на дедушкиной веранде, на старой синтетической траве, которую я помню с детства. В настоящем.

По-моему, я все еще в шоке.

Мы сидели на полу, крепко обнявшись, пока бившая нас обоих дрожь не начала стихать. Буря все так же ярилась. Человек в желтом дождевике лежал неподвижно — только его грудь вздымалась и опадала, но как будто все реже. Синтетическая трава под его головой промокла и потемнела от крови. Из шеи по-прежнему торчала бронзовая рукоять ножа, которым ударила его Нур.

— Это дедушкин нож для писем, — сказал я. — И вообще, это его дом. Он тут жил.

— Твой дедушка? — Она отодвинулась, но совсем чуть-чуть, только чтобы взглянуть мне в лицо. — Тот, что жил во Флориде?

Я кивнул. Стены задрожали от очередного раската грома. Нур оглядывалась вокруг, качая головой и не веря собственным глазам. «Не может быть», — читалось в ее лице. И я прекрасно понимал, что она сейчас чувствует.

— Но как?.. — пробормотала она.

Я ткнул пальцем в силуэт, выжженный на полу.

— Вот тут я очнулся. Понятия не имею, сколько был в отключке. И какой сейчас день.

Нур потерла глаза.

— У меня тоже в голове все путается.

— А что последнее ты помнишь?

Нур нахмурилась, пытаясь собраться с мыслями.

— Мы пришли в мою старую квартиру. Потом мы куда-то ехали... — Она говорила медленно, будто пыталась сложить картину из обрывков ускользающего сна. — Потом мы оказались в петле... да, мы же нашли петлю Ви! А потом бежали от бури... нет, от торнадо...

— От двух торнадо, если я ничего не путаю.

— А потом мы нашли ее саму! Правда ведь? Мы ее нашли! — Она схватила меня за руки и крепко сжала. — А потом...

Ее руки разжались, лицо застыло. Губы приоткрылись, но с них не слетело больше ни слова. Пережитые ужасы возвращались, обрушиваясь на нее страшным грузом. И на меня.

Мурнау с ножом в руке склоняется над телом Ви, распростертым на траве. Торжествующе вскидывает руку и бежит навстречу бушующему вихрю.

В груди стало жарко и тесно. Нур уткнулась лицом в колени и начала раскачиваться.

— О боже, — стонала она. — О боже, боже, боже!

Казалось, сейчас она растворится в воздухе, или вспыхнет огнем, или вберет в себя весь свет, до какого дотянется. Но она лишь резко подняла голову и посмотрела на меня:

— Почему мы все еще живы?

Я непроизвольно вздрогнул всем телом.

А кто сказал, что мы живы? Может, мы уже мертвы.

Вообще-то мы должны были погибнуть в схлопывающейся петле, как и рассчитывал Каул. Сама Нур была единственным осязаемым свидетельством того, что я все еще жив, а не падаю в туннель околосмертных воспоминаний, не наблюдаю последние, прощальные вспышки умирающего мозга.

Но нет! Я отогнал эту мысль. Нет. Мы здесь, и мы живы.

— Это Ви. Она успела каким-то образом нас вытащить, — предположил я. — И перебросить сюда.

— Должно быть, у нее в петле был аварийный выход, — кивнула Нур, сжимая и разжимая кулаки. — Что-то вроде катапульты. Это единственное объяснение.